

И. И. Панаев

Прекрасный человек

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

И. И. Панаев

Прекрасный человек / И. И. Панаев – М.: Книга по Требованию, 2011. – 52 с.

ISBN 978-5-4241-3385-5

Иван Иванович Панаев (1812 - 1862) вписал яркую страницу в историю русской литературы прошлого века. Прозаик, поэт, очеркист, фельетонист, литературный и театральный критик, мемуарист, редактор, он неотделим от общественно-литературной борьбы, от бурной критической полемики 40 - 60-х годов.

ISBN 978-5-4241-3385-5

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Иван Иванович Панаев
Прекрасный человек

...О нем твердили целый век:

N.N. прекрасный человек!"

Пушкин

Глава I, служащая вступлением; в ней рассказывается о том, в какую счастлившую минуту родился прекрасный человек

- Тс! тс! шш! шш! Экой народец какой! Васька, да что же это такое? разве ты не можешь пройти, не задев за что-нибудь? Мало бьют вас, бестии... Нечаянно? нечаянно! Да еще бы нарочно? Шшш! Шш! Шш!.. О, господи боже мой! чувства никакого нет в этом народе, решительно никакого.

Так, качая головою, шептал человек низенького роста, толстенький, с крошечными глазками, с огромной лысиной, прохаживаясь на цыпочках взад и вперед по комнате.

На этом человеке был надет пестрый бухарский халат, и маленькая шея его была опутана белым платком, который почти совершенно закрывается широкою орденскою лентой красного цвета с желтой каемкой...

Хотя этому человеку было только сорок лет, но на его круглом и полном лице резко обозначились морщины, - может быть, следствие усиленных трудов, и несмотря на полноту лицо его было болезненно-бледно, - может быть, от сидячей жизни. Глазки его, совершенно заплывшие, будто нехотя, будто с трудом глядели на божий свет; к тому же в эту минуту он моргал веками, лишенными ресниц, обыкновенного их украшения. Но да не подумает читатель, чтоб этот почтенный человек моргал по привычке, - совсем нет, он не имел никаких дурных привычек, решительно ничего особенного: какое-то торжественное спокойствие, ненарушимая безмятежность всегда царствовали на его полной физиономии - и он моргал веками только в самые критические минуты своей жизни, когда душа его бывала сильно взволнована и когда он сильно был недоволен или поражен чем-нибудь. В первом случае он непрерывно моргал обоими глазами, во втором только изредка подергивал правым глазом.

- Шш! шш! - продолжал он, обращаясь к удалявшемуся в переднюю лакею, который стучал своими каблуками. - Ради же самого бога, Васька, шш!.. Как же ты не возьмешь, братец, в расчет, что ходить тебе взад и вперед совершенно незачем?

Сидел бы в передней да тачал бы сапоги, а то нет...

Лакей остановился, обернулся лицом к барину и разинул рот, но тот в страшном испуге замотал своими коротенькими ручками, заморгал глазами и снова, но выразительнее прежнего прошептал: шш!

Когда лакей вышел из комнаты, барин приложил руку к правому уху и, казалось, стал к чему-то внимательно прислушиваться... Но кругом была тишина ненарушимая; нагоревшая сальная свеча издавала слабый свет, едва освещая комнату средней величины с трех окон, уставленную красными решетчатыми стульями, украшенную двумя ломберными столами и двумя зеркалами.

Через минуту послышалось слабое стенание, как будто из других соседних комнат: при этих звуках человек в халате заморгал, почти не переводя дыхания, опустился на стул, как бы ожидая еще что-то, но опять все по-прежнему сделалось тихо, и, казалось, долго удерживаемый вздох вырвался из груди низенького и толстенького человечка и облегчил его. Губы его зашевелились; он забормотал что-то невнятно, но через минуту, приподнявшись со стула и заложив за спину

свои коротенькие руки, которые едва сходились назад, он снова стал прохаживаться по комнате на цыпочках и говорить довольно ясно, впрочем, шепотом:

- Десять лет! десять!.. Истинно неисповедимы судьбы твои, Господи! Все это как будто сон... И знал, и видел, кажется, собственными глазами, а как-то не верилось. Надо взять в расчет, что в наше время десять лет очень много времени, очень! Однако такое странное происшествие должен считать я не иначе, как милостию божиею; только если бы все благополучно кончилось! а то ведь десять лет, десять!.. - И, повторяя беспрестанно это роковое число, он моргал обоими глазами.

Голова низенького человека опустилась на грудь, так что он подбородком уперся в самую середину ордена, висевшего у него на шее.

В это самое мгновение кто-то чуть слышно полурастворил дверь комнаты, противоположной передней, и чья-то голова выглянула из двери; но свеча так нагорела, что невозможно было рассмотреть, кому принадлежала эта голова.

Низенький человек приподнялся и вздрогнул.

- Кто тут? - произнес он вполголоса и вдруг, как будто испугавшись, что проговорил слишком громко, повторил едва слышно: - кто тут?

- Это я, батюшка Матвей Егорыч, - отвечала голова, высунувшаяся из двери, также шепотом.

- Я! я! кто же я? - бормотал себе под нос Матвей Егорыч. - Сколько раз говорил я, что на вопрос "кто?" должно всегда сказывать имя и отчество или просто имя, а то я - ну что такое я?

Рассуждая таким образом, Матвей Егорыч подошел к столу, на котором стояла свеча, и хотел сощипнуть с нее, но рука изменила ему, обнаруживая его внутреннее волнение; однако он продолжал мыслить вслух:

- Вишь, как нагорела! а я совсем этого и не заметил. И оплывают как! Обманул меня этот плут Прохоров, а еще знакомый человек, еще говорит: отличные свечи, Матвей Егорыч...

- Матвей Егорыч!

- Кто там?

После двух или трех неудачных попыток он снял со свечи, взял ее со стола и подошел к двери, из которой выглядывала голова. Но подсвечник дрожал в руке его.

- Это ты, Василиса? Ради бога, скажи, что такое? не случилось ли чего?

В самом деле, морщинистая голова, повязанная платком и выглядывавшая из двери, принадлежала Василисе, домоправительнице Матвея Егорыча.

- Ничего, батюшка, не случилось, благодарение богу.

- Ничего? То-то же... Да я хотел тебе сказать, Василиса, - продолжал Матвей Егорыч, - если тебя спрашивают: кто тут? - то следует взять в расчет, кто желают узнать, кто именно вошел: Петр, Иван, Егор, Алена, Домна или... или... но я не может служить ответом, я неопределенно; а всегда и на все должно отвечать определенно.

- И! до того ли теперь, Матвей Егорыч!

- Что? а разве что-нибудь было?.. - И правый глаз Матвея Егорыча начал словно подергиваться, и он не мог докончить начатой речи.

- Нет, все слава богу, батюшка, ничего не было; все идет как должно; известное дело, что не легко...

- То-то же.

Матвей Егорыч покачал головой.

- Пооди сюда, Василиса.

Он поставил свечу на стол и снова заложил руки за спину, остановившись посредине комнаты против домоправительницы.

- Я очень боюсь, Василиса, очень, потому что...

- Батюшка, Матвей Егорыч, чего же бояться? это дело обыкновенное...

- Оно конечно; но надо взять в расчет десять лет, Василиса, - вот что главное...

- Ведь у бога все возможно, Матвей Егорыч.

- Так, так: но сама ты знаешь, иногда бывают случаи...

- Точно, сударь, не ровен бывает час. Матвей Егорыч заморгал обоими глазами.

- Но ты говоришь, что ничего, слава богу?

- В добрый час сказать, батюшка.

Матвей Егорыч опустил руку в широкий карман своего жилета и вынул оттуда табакерку, любимую свою табакерку, с изображением девицы, стоящей перед трюмо, в шнуровке. Он взял щепотку табаку и с расстановкой три раза медленно провел два пальца с табаком под носом: так обыкновенно нюхивал Матвей Егорыч; потом протянул руку с табакеркой к домоправительнице.

- Возьми-ка щепотку, другую, Василиса Ивановна. Василиса взялась было за табак, но в эту самую минуту опять послышался стон, и гораздо сильнее, чем в первый раз. Табакерка выпала из руки Матвея Егорыча, веки его захлопали.

- Беги туда, Василиса, беги скорей, брось все это! Что-то будет! Боже мой! брось это, Василиса, брось...

- Ничего, батюшка, не беспокойся, все, даст бог, будет хорошо.

И между тем она собирала с пола на ладонь просыпанный табак.

- Брось все, ну черт с ним, и с табаком, беги скорей...

- А вы, батюшка, не взойдете туда? ведь я за тем и пришла, чтобы спросить вас, Матвей Егорыч, не зайдете ли к нам.

- Нет, нет, ей-богу не могу, Василиса. Беги же скорей. Уж я лучше здесь побуду.

Ведь, может быть, ничего, - продолжал он дребезжащим голосом, смотря ей прямо в лицо, - так все слава богу и кончится? Может быть, не правда ли, а? - И на глазах его показались слезы.

- Ничего, батюшка, ничего... - И Василиса отдала табакерку Матвею Егорычу и вышла, или, лучше сказать, выбежала из комнаты с подобранным табаком.

- Ничего, ничего! - шептал Матвей Егорыч, оставшись один. - Ничего...

Конечно, оно дело самое простое; это случается всякий день, а в таком большом городе, как Петербург, и в день-то, я думаю, по несколько раз; однако надо взять в расчет десять лет, десять!..

Он провел рукою по лицу, отирая слезы, и еще раз повторил: "Десять!"

Три раза он прошелся по комнате, три раза принимался осматривать у свечи, не повредилась ли шальер в его любимой табакерке, не попортилась ли дама, стоявшая перед трюмо; но все это он делал почти машинально: мысли его заняты были чем-то важнейшим, что можно было сейчас заметить по учащенному миганью век.

Вдруг в передней раздался звон колокольчика; по звону можно было догадать-

ся, что какая-то могучая рука привела его в движение. Матвей Егорыч вздрогнул.

- Какой это дурак так дергает за ручку колокольчика? - прошептал он, подходя на цыпочках к двери передней: Звон раздался в другой раз и еще сильнее...

- Шш! шш!.. Васька! Васька!

Но Васька ничего не слышал: он сидя спал на прилавке в передней; на коленях его лежал сапог; с боку, на этом же прилавке, в груди кожи, колодок и сапожных щеток, стояла оплывшая и нагоревшая свеча... Видно, сон его был глубок и приятен, если и колокольчик, висевший над самую его головою, не мог разбудить его.

Матвей Егорыч подошел к нему и начал расталкивать.

- Экой народец! - шептал он, - и утром спит, и вечером спит, и ночью спит, всегда спит и ничего не хочет взять в рассуждение. Да разве жизнь-то дана нам для сна? Ему, дураку, что хочешь толкуй, ничего не возьмет в голову. Васька!

Лакей, ворча и протирая глаза, начал приподниматься.

- Ну же, братец, проснись! Посмотри, свеча-то как оплыла; ведь ты, бесчувственное животное, пожар в казенном доме сделаешь. Ну, за что я тебя буду кормить, если ты все спишь?

- Я не спал, Матвей Егорыч, ей-богу не спал. Зачем, сударь, спать.

- И божится! Хоть ты тут что хочешь, а он свое. Бесчувственный народ!

Звон раздался в третий раз.

Матвей Егорыч зажал уши и закрыл глаза; потом с силою, которую ему придал гнев, толкнул лакея к двери.

- Гостей не принимать... Слышишь ли! Меня нет дома, нет дома...

И, повторяя последние слова, он вышел из передней, немного притворил дверь залы и в щелочку стал смотреть, кто войдет.

Когда Матвей Егорыч увидел вошедшего, он с чувством собственного достоинства приподнял голову, поправил крест, висевший у него на шее, отворил дверь и остановился против вошедшего. Во всей фигуре его было что-то торжественное; он принял на себя ту величавую осанку начальника, когда тот становился лицом к лицу с подчиненным.

Вошедший был департаментский курьер.

- Что же это ты, братец, так стучишь? - сказал Матвей Егорыч. - Поднял звон на весь дом. Ты этак можешь и жену мою перепугать и звонок оборвать; надо звонить осторожно. Эх, Афанасьев! а я думал, что ты деликатнее всех.

- От его превосходительства, - сказал курьер, подавая Матвею Егорычу огромный пакет.

Матвей Егорыч, взяв пакет, вышел из передней и почувствовал, что в пакете лежит что-то необыкновенно крепкое, тяжелое, и правый глаз его тотчас начал значительно подергиваться. Он улыбнулся, улыбнулся с такою приятностию и добродушием, что описать этого решительно невозможно. Подошедши к столу, на котором стояла свеча, он ощупал пакет и потом распечатал его и вынул из него письмо. В письмо обернутый в темно-красную ленту с черными полосами покоился орден св. Владимира 3-й степени. Матвей Егорыч тщательно развернул ленту, в которой скрывался орден, и потом, держа ленту за кончики, начал любоваться и орденом и лентой на некотором расстоянии. Орден живописно качался на ленте, потому что руки Матвея Егорыча дрожали от душевного волнения. Так прошло несколько минут. "Спасибо его превосходительству, ей-богу спасибо..."

- шептал

Матвей Егорыч, - внимательность дороже всего в начальстве, а орденок красив, весьма красив... Посмотрим, однако ж, что пишет его превосходительство".

Вытерев пыль со стола и положив орден на стол, Матвей Егорыч развернул письмо, поднес к свече и вполголоса, с расстановками, прочел следующее:

"Любезный Матвей Егорыч! Спешу препроводить к вам знаки ордена Владимира 3-й степени. Поздравляю вас с этою монаршею милостью, которую вы вполне заслужили вашей ревностной и полезной службой. Указ Капитулу только вчера подписан; но мне хотелось поскорее видеть на вас этот орден, и я велел купить его для вас.

Примите от меня этот подарок, как свидетельство моего к вам уважения, с коим имею честь быть..."

- И прочее, и прочее, - произнес Матвей Егорыч, складывая письмо и улыбаясь с тою же невыразимою приятностью. - И прочее... То-то я смотрю, что крест-то больно красив... Аи да его превосходительство! спасибо ему, ей-богу спасибо!..

Афанасьев! поди же сюда, дружок, - закричал он курьеру, опуская руку в карман своих панталон и вынимая оттуда два целковых.

- Имею честь поздравить, ваше высококордие!

- Спасибо тебе, спасибо, вот возьми.

Курьер взял два целковых, поклонился и вышел.

Тогда Матвей Егорыч взял со стула свечку и перенес ее на другой стол, к зеркалу; потом, опустив ниже на грудь орден св. Анны, он сверху св. Анны возложил на себя вновь пожалованный ему орден и начал смотреться в зеркало.

- Вот это орден! - говорил он сам с собою, поправляя Владимира. - Слава богу

- вот дослужился до какой награды...

Вдруг пронзительный младенческий крик прервал размышления Матвея Егорыча: он заморгал веками, вздрогнул и в совершенном остоленении опустился на стул, только изредка робко поглядывая на дверь, противоположную передней, как бы кого-то ожидая оттуда.

В самом деле, через несколько минут эта дверь отворилась, и Василиса, остановившись перед Матвеем Егорычем, поклонилась ему в пояс.

- Матвей Егорыч! имею честь поздравить вас, батюшка, с сынком. Нам сынка бог дал...

- Сынка?.. Сынка? - повторил он, не двигаясь со стула, на котором сидел. -

Сынка?.. - Матвей Егорыч перенес столько сильных потрясений в продолжение последнего часа, что в эту минуту он совершенно смутился... Жена, Владимир 3-й степени, сынок... все перемешалось и спуталось в голове его. Он подумал, что это сон, один только соблазнительный сон. Не шутя, сомнение в действительности всего происшедшего дошло в нем до такой степени, что он начал ощущать, точно ли у него на груди висит владимирский крест... Уверая в последнем, он протер глаза и уже с большим сознанием повторил: - сынка?..

- Сынка, Матвей Егорыч, сынка! да и какой мальчик-то! весь, кажется, в вас, батюшка.

- В меня?.. Ну... а что Настасья Львовна?

- Ничего, батюшка, все благополучно.

- Благополучно? Что же она...

- Ничего, батюшка, лежит, лежит... Пожалуйте к нам, она вас спрашивала. Где, говорит, Матвей Егорыч; что он не придет ко мне? Да и сынишку-то своего посмотрите. Славный мальчик, славный!

Матвей Егорыч приподнялся со стула, потер лоб и пошел на цыпочках вслед за

Василисой.

Настасья Львовна лежала на широкой постели за перегородкой, а возле нее младенец.

Матвей Егорыч подошел к постели.

Настасья Львовна устремила на него томные глаза и вздохнула.

- Ну, как вы себя чувствуете, дружок?

- Благодаря бога, - проговорила она едва слышно.

- А я за вас порядочно струхнул! Думаю себе, надо взять в расчет десять лет...

Ну, поздравляю с сыном... Поздравьте же и меня, душечка, кроме сынка, и еще кое с чем...

- С чем же, друг мой?

- Не говорите много, не говорите, это нехорошо... а вот я вам сейчас покажу.

Матвей Егорыч отвязал назади шеи тесемочку, снял крест и, держа орденскую ленту двумя пальцами, поднес крест к Настасье Львовне.

- Вдруг две радости... - прошептала она.

- Не говорите, душечка, не говорите; теперь мы за вас будем говорить. А!

Настасья Львовна! ведь в счастливую минуту родился ребенок? Что скажете? Только что я подвязал крест на шею, как и слышу его крик... Счастливый будет ребенок,

Настасья Львовна, ей-богу, счастливый! Да где же он, мальга?.. А! мое почтение!

Да мы его назовем Владимиром, непременно Владимиром, в честь пожалованного мне ордена, который я возложил на себя в самую минуту его рождения. Как вы думаете, душечка?.. Ведь это надо взять в расчет... Не говорите, не говорите, вам говорить нехорошо, а так только улыбнитесь... Да он у нас, посмотрите, сам со временем дослужится до такой же приятной награды... а? пузырь! не правда ли?

Ведь выдумал же родиться именно в такую счастливую минуту, скажите пожалуйста!..

Душечка, а знаете, ведь это не капитульский крест: сам его превосходительство купил и прислал мне в подарок.

Он снова поднес орден к самым глазам супруги.

С минуту она любовалась им; но уже слабость одолевала ее, уже орден представлялся ей в тумане - и она заснула нечувствительно.

Матвей Егорыч на цыпочках вышел из спальни... Он все улыбается, - так ему было весело. Это была самая светлая минута в его службе, потому что вся жизнь представлялась ему в форме департаментской службы...

"По всем признакам, - думал он, - этот ребенок будет счастливый, если взять в расчет минуту его рождения..."

Глава II, из которой можно вывести заключение, как важно родиться в

счастливую минуту, а равно и то, что благонаравие, прилежание и другие похвальные качества никогда не остаются без награды.

Матвей Егорыч был истинно счастлив... Что ни говорите, а в 45 лет чин статского советника, и Владимир на шее, и почетное место с хорошим жалованьем, с квартирой, с освещением, и отоплением, - да это блаженство! И ко всему этому сынок Володя - загляденье: такой полненький, такой румянький, как яблочко, он так мило и звучно кричал, так царапал маменьку и папеньку, хватая их своей ручонкой за лицо... Родители уже видели в нем будущую подпору своей старости, замечали в нем каждый день какие-нибудь необыкновенные способности, всем знакомым своим прокричали про его понятливость и ум, хотя он не умел еще не только ходить, но и ползать. Много значит родиться в счастливую минуту: люди, рождающиеся в такие минуты, от колыбели до гроба обыкновенно катаются, как сыр в масле. Статская советница беспрестанно целовала своего сынка и звала его

Вольдемарчиком; статский советник, каждый раз, возвращаясь из присутствия, хлопал его по щеке и говорил самым ласковым голосом: "смотри ты у меня, плут

Володька, вот я тебя!" И каждый раз после этого у супруга с супругой проходила небольшая размолвка.

- В вас нет никакой нежности, - говаривала обыкновенно Настасья Львовна Матвею

Егорычу, - так не обращаются с деликатным ребенком.

- Да почему же, Настенька? - возражал Матвей Егорыч, - ведь он у нас не хрустальный.

- Почему? почему?.. Ну, что если вы так станете ласкать его при ком-нибудь чужом и называть Володькой, - позвольте спросить, что станут об вас говорить в свете?

- А что же такое станут говорить?..

И правый глаз Матвея Егорыча обыкновенно начинал моргать, и он тотчас принимался ходить по комнате, заложив руки назад.

- Что же могут сказать дурного? Да и разве мне указ, как другие обращаются с детьми?.. Уж мне и сына родного приласкать нельзя, как я хочу? Да что же после этого...

- Полноте, полноте, Матвей Егорыч... Уж и разворчался.

Матвей Егорыч немного поморщивался, но уже ничего не возражал и после нескольких минут молчания обыкновенно обращался к своей супруге с следующим вопросом:

- А что, не пора ли водочки, душечка?

Неописанна была радость родителей, когда Володя стал ходить и издавать какие-то нестройные звуки... Какое прекрасное платьице купила ему Настасья Львовна! какого бесподобного солдата подарил ему Матвей Егорыч!

И что за умища был Володя! он не ломал и не рвал своих игрушек, как другие дети; он даже и мало обращал внимания на своего солдата, хотя у этого солдата был отличный красный мундир и бесподобные усы из настоящего волоса... Володя чувствовал более склонность к съестным игрушкам, и преимущественно к сахарным и пряничным куклам: первые он обсасывал с необыкновенным искусством, вторые грыз

(зубки у него вышли очень легко) с проворством и легкостью изумительными. Он не пренебрегал также и сдобными булками. Бывало, целый день, с утра до вечера, он или грызет, или жуёт, или сосет, а потому в доме было совсем его не слышно.

Многие упрекали Матвея Егорыча и Настасью Львовну за то, что они баловали

Володю; но ведь он у них был один, одно сокровище, одно утешение, одна надежда.

Сын, родившийся у них в первый год брака, через два месяца умер, и после этого десять лет жили они бездетно и уже совершенно отчаялись иметь подпорку под старость дней своих, как вдруг, неожиданно, через десять лет бог послал им такую радость, а ровно через два года после рождения Володи, еще неожиданнее, другую,

- именно дочь, которую они нарекли Марией, в честь бабушки Настасьи Львовны.

- Поздравляю тебя, Матвей Егорыч! - говорил ему в департаменте один его сослуживец, также статский советник, но только с париком и крашеными бакенбардами, ударяя его дружески по плечу и улыбаясь, - поздравляю, братец, с дочкой; ты под старость-то видно не на шутку пошалить начинаешь, а?.. Молодец! молодец! мы, братец, и помоложе тебя, кажется, да за тобой - куда! не угоняешься.

Но дочка Матвея Егорыча была прехилая и претщедушная, а потому ни он, ни

Настасья Львовна не обращали на нее особенного внимания и почти вовсе не ласкали ее. Она даже и не показывалась в парадные комнаты, то есть в залу и гостиную, где почти безвыходно был Володя. Настасья Львовна всем гостям своим, целуя

Володю, говорила:

- Это мой фаворит! это милый, ласковый ребенок! Время шло, и как-то очень незаметно: Володе уже было 10 лет, Маше 8... Володю по-прежнему наряжали, дарили, кормили; у него успели даже подгнуть и попортиться зубки от сахара; он расхаживал, подняв вверх головку, и смотрел на всех смело. Маша была робка и застенчива: она все жалась в уголок; она была нехороша, но у нее были живые и умные глазки, хотя Настасья Львовна и сестра ее, девица Анна Львовна, жившая у нее в доме, называли ее глупенькою. Машу ничем не дарили; она ходила в заштопанных чулках и в старом платье. По крайней мере раз десять в день повторяли ей:

- Маша, посмотри на Вольдемарчика: как он держит себя, как он говорит, как он глядит, - а ты ведь ни на что не похожа.

Всего более доставалось Маше летом на даче. Сзади дома тянулась большая и густая роща. Маша очень любила эту рощу и все бегала туда и часто заманивала с собою

Володю. Ей было там хорошо на свободе; она резвилась, бегала, рвала цветы; ей не хотелось идти домой, а Володя все звал ее в сад...

- Здесь гадко, сестрица, - говорил он, - лучше станем играть в садике против маменькиных окошек; там чистые дорожки, а здесь все сор.

Но Маша не соглашалась ни за что променять свою рощу на крошечный садик, где она не смела дотронуться до цветка, где она боялась измять траву. Володя